

УДК 811.161.1:398

ЗАПРЕТИТЕЛЬНО-ПОБУДИТЕЛЬНАЯ ПОСЛОВИЦА

Т.Г. Бочина

Аннотация

В статье рассматриваются поговорки, сформированные оппозицией позитивного и соотносительного с ним отрицательного императива. Выделяются два основных типа запретительно-побудительных поговорок: строгое предписание, сочетающее рекомендацию с запретом, и поучение, в котором отрицательный императив не выражает запрета, а служит экспрессивному выделению того, о чем говорится в побудительной части высказывания. Делается вывод о зависимости семантических различий данных разновидностей от типа отрицания (сильного или слабого) и коммуникативной структуры поговорки.

Пословицы, представляющие собой обобщенно-личные предложения с повелительными формами глагола, распространены очень широко, что обусловлено их жанровой природой [1, с. 41], в них коммуникативное задание – выразить назидание, поучение, мораль-наставление – эксплицируется грамматическими средствами. Действительно, в таких поговорках, как *Кладу не ищи, а землю паши, и найдешь*; *Не запосуливай рубля, отдай полтину*; *Не гонись за рядовичем, лови атамана*, императивными формами выражается непосредственное руководство к действию.

Инвариантом грамматического значения русского императива в современной лингвистике признается значение волеизъявления [2, с. 89]; что касается частных императивных значений, то разными учеными предлагается около 30 различных формулировок [3, с. 133–136]. Наиболее аргументированной представляется классификация В.С. Храковского и А.П. Володина, согласно которой, волеизъявительным поговоркам более всего соответствует такая частная семантическая интерпретация императива, как инструкция. Ее классификационные признаки следующие: импульс каузации исходит от говорящего; исполнение каузируемого действия – в интересах слушающего; говорящий ставит себя выше слушающего. Хотя авторы данной классификации не рассматривали поговорки, выделенные ими черты характерны для поговороческих высказываний: «Особенностью инструкции является наличие анонимного говорящего и неопределенного множества анонимных слушающих (=исполнителей). Высказывания с инструктивным императивом – это правила, соблюдая которые, можно добиться оптимальных результатов» [3, с. 139]. Безусловно, поговорка представляет собой особый тип инструкции, характерной для генеритивного регистра речи – «от обобщенного ВСЕ к потенциально-конкретному ТЫ» [4, с. 438].

Пословица, адресуя слушателю наставление, поучение, назидание, предостережение, поощрение к действию, обобщает вековой опыт коллективного субъекта: все так поступают, следовательно, и ты должен действовать так же [4]; при этом адресат поучения – «любой», «всякий» из неопределенного множества [ср.: 5, с. 311–324], конкретизирующийся в коммуникативном акте.

Специфический тип инструкции представляют собой паремии, сформированные оппозицией позитивного и соотносительного с ним отрицательного императива: *Не радуйся раннему вставанию, радуйся доброму часу; Не загадывай в год, а загадывай в рот; Не добивайся знахарства, добивайся разума*. На семантическое оформление программы действий в исследуемых паремиях влияет значение синтаксического побудительного наклонения, которое выражает собственно побуждение, побуждение в сочетании с пожеланием или долженствованием [6, с. 114]; наиболее же типичное значение негированного императива – запрещение в сочетании с нежелательностью или ненужностью. В результате взаимодействия в одном высказывании двух повелительных форм – обычной и негированной – образуется своеобразная запретительно-побудительная рекомендация.

В волюнтивно-генеритивном регистре речи чаще используются глаголы НСВ; императивные формы НСВ характерны также прохибитиву [7, с. 147]. Известно, что «в толкование всех побудительных речевых актов, предпочитающих НСВ, входит следующий семантический компонент: «Говорящий представляет действие, к которому он побуждает адресата, как само собой разумеющееся в данной ситуации, т. е. мотивирует свое побуждение адресата к выполнению данного действия внешней ситуацией, а не, скажем, собственным авторитетом, собственным желанием, интересами адресата или какими-то другими прагматическими аргументами» [8, с. 47]. В запретительно-побудительной пословице закономерно преобладают глаголы НСВ: *Не слушай колокольного звону – слушай барабанного бою; Не спрашивай старого, спрашивай бывалого!; Не учишь пиво пить, учишь деньги копить!*

Оппозиции позитивного и негированного императивов лишь в единичных случаях имеют форму СВ: *Не купи себе села, купи приказчика; Не убойся смерти, убойся грехов; Не пройми копьем, пройми языком!; Не прикажите казнить (голову рубить), прикажите речь говорить*. Чрезвычайно редко одноосновные императивы противопоставлены по грамматическому значению, когда начальный член оппозиции выражен формой НСВ, а заключительный – формой СВ: *Не учи дубцом, поучи рублем! Не налагай гнева, наложи милость! Не клади в ухо, а положи в руку! Рыбу ешь, да рыбака не съешь*. В таких высказываниях сильна семантическая привязанность их к конкретной ситуации.

На формирование семантики данного типа инструкции оказывает влияние тот факт, что противопоставленные побудительные формы глагола являются одноосновными образованиями. Это наглядно проявляется из сравнения с предложениями, в которых позитивный и негированный императивы разноосновные: *Доброго чти, а злого не жалей; Не сули бычка, а отдай чашку молочка; Не гневи бога ропотом, молись ему шепотом*. В них существующая дилемма разрешается путем выбора между альтернативными видами действия таким образом, что отклонение нежелательного действия выражается негированным импера-

тивом, а выбор предпочитаемого действия – обычным: чти – не жалеи, не сули – отдай, не гневи – молиси. При этом контрастными являются и темы, и ремы противопоставленных тезисов, т. е. высказывание представляет собой прием актуализированного контраста (антитезу).

В пословицах с оппозициями одноосновных императивов, один из которых негированный, картина несколько иная. В них альтернативными являются не различные виды действия, а действие и его отсутствие; повелительные формы глагола передают побуждение к совершению или запрет на совершение одного и того же действия (*торопись – не торопись, хвались – не хвались*): *Не торопись ехать, торопись кормить; Не хвались на коня садясь, а хвались, когда слезеши*. Так как темы обеих частей высказывания являются идентичными, то, по сути, противопоставленными оказываются лишь ремы, и, следовательно, отрицание относится к одному из актантов повелительной формы глагола, а не к самому императиву. Таким образом, отрицание является смещенным, а сам выбор делается не между двумя действиями, а между объектами (признаками, инструментами, способами и пр.) одного и того же действия. При таком подходе закономерным представляется наличие синонимичных вариантов с повтором и без повтора темы: *Не гладь коня рукой, а гладь мукой – Скотину гладь не рукой, а мукой; Не бойся той собаки, которая лает, а бойся той, которая исподтишка кусает – Не той собаки бойся, что громко лает, а той, что исподтишка хватает; Не хвали жену телом, а хвали ее делом! – Жена хороша не телом, а делом*.

Таким образом, пословицы со структурой *Не делай А, (а) делай Б* должны быть отнесены к стилистическому приему акротезы со смещенным отрицанием и повтором темы*. В то же время синтаксическая и позиционная однородность двух императивов поддерживает их семантическую контрастность и контекстную релевантность запретительного значения негированного императива: *Не выбирай невесту, выбирай сваху; Не ходи одна, ходи с матушкой! Не будь тороплив, будь памятлив!* Смысловая неоднозначность конструкции, в которой прохибитив противопоставлен побуждению *Не делай А, (а) делай Б*, а один актант императива другому (как в структуре *Делай не А, (а) Б*) создает стереоскопический эффект, семантическую объемность и стилистическую неординарность пословичной формулы. В конкретных случаях то или иное значение может выходить на передний план, актуализироваться, но при этом и другое остается релевантным.

В соответствии с этим можно выделить две основные семантические разновидности запретительно-побудительной пословицы.

1. Во-первых, инструкция *Не делай то-то (так-то), делай другое (иначе)* отличается более жесткой регламентацией, чем простое руководство к действию *Делай то-то (так-то)*. Эта ригористичность создается исключением из программы действий одной альтернативы и утверждения другой. Устранение нежелательного образа действия, эксплицированное негированным импе-

---

* Под акротезой принято понимать «подчеркнутое утверждение одного из признаков или явлений реальной действительности за счет отрицания противоположного» [9, с. 426]. Уточнение данной формулировки и подробное описание акротезы с повтором тематического компонента см. в монографии Т.Г. Бочиной [10, с. 61–109].

ративом, подчеркивает обязательность именно того выбора, который с точки зрения адресанта является единственно правильным.

Строгость предписания обеспечивается еще и тем, что контраст запрета и побуждения сочетается с полярностью обозначенных альтернатив: *Не смотри начала, смотри конца; Не бойся горького, бойся сладкого!*; *Не бойся богатых гроз, а бойся убогих слез*. Особенно активно используются не языковые, а речевые антонимы, которые, как правило, соотносятся с узуальными: *день – год* (маленький – большой срок), *скакать (смеяться) – плакать, вверх – под ноги (вниз)*: *Не хвались замужеством (женитьбой) третьего дня, а хвались третьего года; Не узнавай друга в три дня, узнавай в три года; Не жалей того, кто скачет; жалей того, кто плачет; Не смотри вверх, смотри под ноги – чего не найдешь, так ноги не зашибешь*. Большинство из образных оппозиций – слова конкретной семантики, отражающие реалии крестьянского быта: *Не тужи, у кого мочальны гужи, тужи, у кого ременные* (мочальны связать можно, а ременные на пути не починишь) ('бедный – богатый'); *Не указывай под лесом, а указывай под носом!* ('далеко – близко'); *Не гляди на меня колом, гляди россыпью; Не смотри Сентярем, а смотри россыпью* ('хмуро – весело').

Требовательность запретительно-побудительной инструкции выражается также посредством традиционных фольклорных «оппонентов»: *Не ставь недруга овцою, ставь его волком; Не спеши карать, спеши миловать*, в числе которых непримиримые в народном сознании соперники – Сущность и Наружность: *Не зри на лица, зри на сердца; Не гляди на рожу, гляди на душу!*; *Не гляди на лицо, а гляди на обычай; Не смотри на кличку, смотри на птичку*.

Нужно заметить, что модель жесткой по характеру запретительно-побудительной инструкции используется и в других малых жанрах фольклора, например, заговорах. Так, в приговаривании рассаде *Не будь голенаста, будь пузаста; не будь пустая, будь тугая; не будь красна, будь вкусна; не будь стара, будь молода; не будь мала, будь велика и пр.* контраст реализуется при помощи симметричных антонимов *старый – молодой, малый – великий*, неточных антонимов, образованных перекрестным соединением двух антонимичных пар *пустой – тугой* (*пустой – полный, рыхлый – тугой* о капустном вилке), *голенастый – пузастый* (*длинный – короткий, тонкий – толстый*), оппозициями традиционной предметно-тематической пары «Форма – Содержание» *красный – вкусный*.

В ситуациях выбора из двух зол, связанных в пословицах, как правило, с рекомендациями, кого (чего) бояться не стоит, а кого (чего) следует бояться, отрицательный императив выражает значение запрещения в сочетании с ненужностью. Отрицанием маркируется худо, имеющее внешнее выражение, осознаваемая опасность, а как худшее осознается более тихое, замаскированное, не столь очевидное зло: *Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой; Не бойся летня, а бойся гнетня* (т. е. *не бойся горячего, бойся мстительного*); *Не бойся срезня, бойся гнетня*, где *срезень* – «бойкий человек, дерзкий, резкий на словах»; *Не бойся истца, бойся судьи*. Угроза физическому существованию меркнет перед опасностями, грозящими душе: *Не бойся смертей, бойся чертей!*, а среди сильных мира сего более опасными признаются полномочные исполнители закона *Не бойся суда, а бойся судьи!* или, напротив, те, чья власть

не узаконена *Не бойся барина, а бойся слуги! Не бойся временичка, а бойся озорника*. Отрицательный императив в таких случаях выражает скорее ненужность, чем запрет, а «просто плохое» привлекается с целью усиления негативной оценки худшего из двух зол.

2. Во многих случаях в первую очередь актуализируется именно усиленная функция негированного императива, а присущее ему грамматическое значение запрещения, нежелательности или ненужности действия отходит на второй план: *Не будь сыт кусом, а будь сыт другом; Не тужи, кто берет, тужи, кто займы дает; Не радуйся гостину приезду, радуйся отъезду*. В данных наставлениях, безусловно, не имеется в виду нежелательность утоления голода пищей, запрещение берущему в долг печалиться по этому поводу или ненужность гостеприимства. Аналогично, при выборе одного из двух субъектов отрицательная часть волеизъявления не выражает запрета на совершение действий относительно первого кандидата, а лишь усиливает коммуникативную значимость второго: *Не слушай отца – слушай командира; Не хвались отцом, хвались молодцом (сыном молодцом)*. При этом вторая часть наставления может представлять собой метафору, рожденную повтором императива, имеющего прямое значение в экспозиции пословицы: *Не купи двора, купи соседа; Не гладь коня рукою, гладь мешком*.

Интенсифицирующая роль негированного императива является определяющей в пословицах, где контрастные отношения устанавливаются между аксиологически однородными (положительными) категориями типа *складный* – «рослый и статный, хорошего склада» и *ладный* – «годный, путный, хороший, гожий»; *изродный* – «статный, видный, красивый» и *пригодный* – «полезный»*. Ср.: *Не будь складен, да будь ладен; Не будь изроден, да будь пригоден; Не будь грамотен, будь памятен*. Очевидно, что функция отрицательного императива в данном случае не является запретительной и что первая часть высказывания ни в коем случае не означает того, что нельзя или нежелательно быть складным, изродным, что плохо быть грамотным. Сходно с этим, совет *Не будь гостю запасен, а будь ему рад* не имеет в виду запрещение быть запасливым. В паремиях подобного типа отрицательное предложение лишь оттеняет особую значимость, ценность и, следовательно, предпочтительность того, о чем говорится в утвердительном.

По сути, в таких высказываниях косвенным образом передаются компаративные отношения между актантами императивов; так, смысл пословицы *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* – «друзья **дороже** богатства, денег» [12, с. 78]. При этом устанавливается иерархия ценностей в национальной картине мира, в которой красота ценится менее других преимуществ, например, доброты, досужества – «умения; ловкости, способности к делу, мастерству», богатства: *Не ищи красоты, ищи доброты (досужества); Не будь изроден (т. е. пригож), будь природен (т. е. богат)*. В свою очередь, красота + богатство (*нарядный*) менее важны, чем опрятность: *Не думай быть нарядным, а думай быть опрятным!*, а верность ценится выше богатства: *Не желай за женою богатства, а желай постоянства!* Более же всего дорожить стоит счастьем, получаемым в

* Словарные толкования даются по словарю В.И. Даля [11].

участь от Бога и потому более ценным, чем внешняя красота или то, чего человек может добиться сам (ум, характер): *Не родись красивый, а родись щастный; Не родись хорош, родись счастлив; Не родись ни хорош, ни пригож, родись счастлив; Не родись красивым, а родись счастливым; Не родись пригож, родись удачлив* и др.

В этой связи уместно сопоставить сентенции, строящиеся на оппозиции соотносительных императивов, с другим видом пословиц, устанавливающих соотношение ситуаций и категорий в пределах добра, – с общими суждениями о предпочтительности, включающими сравнительные компаративы: *Не верь ушам, верь очам – Лучшие один раз увидеть, чем сто раз услышать; Не родись ни умен, ни красив, а родись счастлив – Счастье дороже ума, богатства; Не верь речам, верь своим глазам! – Гляженое лучше хваленого.*

И в том, и в другом случае справедливо наблюдение, сделанное Н.Д. Арутюновой по поводу паремий второго типа о том, что коммуникативный акцент сосредоточен на лучшем, что не только «устанавливается аксиологическая иерархия состояний, но и подчеркивается особое достоинство лучшего из них: хорошее создает фон для лучшего» [13, с. 268]. Но если «высказывания о сравнительном добре не связаны прямо с ситуацией сознательного решения альтернативы. В них речь идет о дарах судьбы и природы, а не о выборе жизненного пути» [13, с. 269], то акротезы, включающие полярные императивы, путем отрицания хорошего и утверждения лучшего могут формировать инструкцию выбора лучшего: *Не ищи мудрости, ищи кротости; Не хвались родителями, хвались добродетельми; Не будь для куса, а будь для друга.* Даже в тех случаях, когда речь идет о дарах судьбы, использование повелительных форм глагола предполагает активность выбора: *Не моли лета долгого, моли теплого; Не держи сто рублёв, держи сто друзей; Не хвались серебром, хвались добром.* Замечательна в последней паремии игра слов: *добро* – «имущество, достаток» и *добро* – «благо, что честно и полезно, все, чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина; противоположно худу и злу».

Кроме того, конструкция с противопоставлением императивов более экспрессивна, чем построение со сравнительным прилагательным, т. к. эмоционально-экспрессивная насыщенность является существенной составной частью семантики императива, «в контекстах, в которых императив замещает другое наклонение, он всегда экспрессивнее, чем другие способы модального выражения» [14, с. 106].

Усилительная сущность негированного императива присуща также пословицам с обратным соотношением ценностей, многие из которых имеют синонимичные паремии с эксплицитно выраженными сравнительными отношениями: *Не верь брату родному, верь своему глазу кривому – Свой глаз лучше родного брата; Дай бог с умным потерять, не дай бог с дураком найти! – Лучшие с умным потерять, чем с дураком найти; Не бери дальней хваленки, бери ближнюю хаянку! – Ближняя хаянка лучше дальней хваленки.*

Более того, компаративное значение свойственно и другим запретительно-побудительным высказываниям, в которых ремы выражены антонимами: *Бойся жить, а умирать не бойся! – Жить страшнее, чем умереть; Дай бог подать, не дай бог брать (т. е. подаяние); Приведи бог подать, не приведи бог при-*

нять! – *Лучше подать в окно, чем стоять перед окном; Лучше дать, нежели взять* – или окказиональными оппозициями: *Не бей дубиной (дубьем), бей полтиной (рублем) – Бей лучше не дубьем, а рублем.*

Семантика инструкции зависит также от того, какое место в оппозиции императивов занимает негированная форма: первое (не делай – делай) или второе (делай – не делай): *Не покидай в запас дела, а покидай в запас хлеба! – Покидай наутро хлеба, не покидай на утро дела!; Не люби друга потаковщика (поноровщика), люби встречника; Не люби поноровщика, люби спорщика – Люби спорщика, не люби потаковщика.*

В соответствии с одним из законов актуального членения главная информация в русском предложении стремится занять конечную позицию во фразе. Вообще, «принцип строения нейтрального русского кадра таков, что взор наблюдателя, «объектив» движется в нем от известного к неизвестному, от уже увиденного к новому, и то, что стоит в нем во второй позиции, воспринимается как новое» [15, с. 355]. Важнейшим каноном пословичной поэтики так же является «бинарность структуры, в которой первый член выполняет экспозиционно-фонтовую роль, а второй – аккордно-заключительную, роль ремы» [16, с. 306]. Поэтому закономерно, что в конструкциях первого типа предложение с отрицательным императивом выражает не только запрещение (*Не верь гречихе на цвету, а верь закрому; Не торопись отвечать, торопись слушать!*) или указание на нежелательность какого-либо образа действия (*Не будь в гостях приметлив, будь дома приветлив*), но служит прежде всего средством акцентирования позитивной части высказывания: *Не береги свое, береги чужое; Не учишь пиво варить, учишь солод растить; Не ищи жилья, ищи хозяина!* Но во всех случаях экспозиция подчеркивает важность рекомендуемого образа действия.

В пословицах второго типа, напротив, на первый план выдвигается предупредительно-запретительное значение, коммуникативный акцент падает на то положение дел, которого следует избегать: *Пей за столом, не пей за столбом; Пирог ешь, да хозяина не съешь; Паси, чтобы вскормить, не паси, чтобы озолотить; Дай бог подать, не дай бог просить!*

От порядка следования императивов зависит интерпретация значения пословиц с обратным соотношением ценностей. Высказывание с оппозицией «делай – не делай» не столько рекомендует правильный выбор, сколько контрастом усиливает отрицательную оценку нежелательной ситуации: *Дай бог с умным потерять, не дай бог с дураком найти!* – ср.: *Лучше с умным потерять, чем с глупым найти.* Напротив, в инвертированных суждениях типа «не делай – делай» отрицательное предложение повышает значимость предписываемого выбора: *Не делай свое хорошее, делай мое худое (т. е. слушайся, не умничай); Не верь своим очам, верь моим речам! Не бойся врага умного, бойся друга глупого!*

Правда, не всегда можно столь уверенно судить о различной коммуникативной нагрузке двух видов инструкции, т. к. существуют акцентные способы выделения главного содержания фразы, когда порядок следования отрицательной и положительной частей не столь важен: *Не торопи ездой, торопи кормом! – Торопи кормом, не торопи ездой.*

По нашим подсчетам, в русском фонде пословиц и поговорок сентенций с оппозицией «делай – не делай» около 10%, а паремий с порядком «не делай – делай» – почти 90%. Представляется, что такая избирательность связана с назначением императивной пословицы выразить рекомендацию, что и как следует делать, значение же предостережения от неправильного образа действий не столь актуально.

При этом отрицательный императив в подавляющем большинстве случаев занимает сильную позицию абсолютного начала фразы *Не говори, что не могу; говори, что не хочу*, а редкие исключения из этого правила обязательно имеют вариант с прохибитивом в начале предложения: *Мужика не бей дубьем, а бей рублем! – Не бей мужика дубьем, бей его рублем; В чужом доме не будь приметлив, будь приветлив – Не будь в гостях приметлив, будь дома приветлив; В пир идешь, не хвастай, а когда из тиру идешь, хвастай – Не хвастай, в поле едешь, а хвастай, когда с поля едешь!*

Таким образом, более 87% пословиц, представляющих собой запретительно-побудительную инструкцию, начинается с отрицания – традиционного приема устного народного творчества восточных славян. В исследуемых паремиях грамматический параллелизм имеет форму, близкую к отрицательному параллелизму [17, с. 143–145], или отрицательному сравнению [18, с. 152–161]. Хотя пословичная конструкция *Не делай А, (а) делай Б* и по содержанию, и по функции отличается от песенного психологического параллелизма, по своему построению (двухчастная отрицательно-утвердительная параллель) она соответствует наиболее распространенной в русской народной поэзии модели [19, с. 112].

Запретительно-побудительная инструкция и повтор

Известно, что «любая форма параллелизма есть некоторое соотношение инвариантов и переменных. Чем строже распределение инвариантов, тем более заметны и эффективны вариации» [20, с. 121–122]. Необходимым и достаточным инвариантом запретительно-побудительной инструкции является повтор повелительной формы глагола *Не грози* на грязи, *грози* вывезши, однако, как правило, дублируется не только данный конституирующий элемент формулы, но и грамматическое оформление актантов императива. В таких широко распространенных случаях стилистический прием акротезы осложняет гомепто́н – скопление слов с разными корнями, но совпадающими аффиксами (от греч. ὁμοίωπτος 'стоящий в одном и том же падеже'): *Не будь в осень тороват, будь к весне богат; Не гони коня кнутом, а гони овсом; Не думай взять, а думай отдать.*

Насыщенность повторяющимися элементами увеличивается также за счет редупликации служебных слов, неизбежной при синтаксическом параллелизме: *Не думай, как бы взять, а думай, как бы отдать; Не слушай, где куры кудахчут, а слушай, где богу молятся; Не смотри, чтоб другим осталось, смотри, чтоб тебе досталось.* Подобный повтор не столько несет стилистическую нагрузку, сколько выполняет текстоорганизующую функцию.

Напротив, повтор знаменательных слов обеспечивает стилистическую выделенность недублетных единиц фразы: Не кайся рано **вставши**, кайся рано

женившись; Не красней, девка, **коров доючи**, красней, девка, **с парнем стоячи (в овин ходючи!)**; Не угадывай в три **дня**, угадывай в три **года** – Не хвались в год, хвались в **три** года, в том числе служебных слов, например, предлогов, характеризующихся категориальной противоположностью выражаемых ими грамматических значений: Не хвались, идучи **на** рать, хвались идучи **с** рати; Не хвались, **в** поле едучи, хвались **с** поля едучи. Тавтология также способствует контекстному углублению различий в семантике предлогов почти до противоположных: Не ретись **на (до)** медведя, а ретись **при** медведе; Не гляди **на** ватолу, а гляди **под** ватолу (одеяло, веретье, рядом, чем возы покрывают).

Степень концентрации повторяющихся элементов (следовательно, и стилистическая значимость несопадающих компонентов) нередко доходит до максимальной, когда оппозиты различаются 1–2 звуками: **Не загадывай в год, загадывай в род; Не купи на сто, купи на статью!** Причем, это максимальное сходство является не только формальным (как рифма и аллитерация в приведенных примерах), но и этимологическим: Не будь **упрям**, а будь **прям**. Стилистическая значимость паремии Не ходи к воеводе с одним носом, ходи к нему с приносом основана на обыгрывании омонимии нос – часть лица и нос от глагола носить → принос «дар, подарок, взятка». Экспрессия данной инструкции определяется неожиданностью контекстного сближения формально схожих, но семантически различных слов.

Высока концентрация повторяющихся элементов, степень тавтологичности в тех предложениях, в которых актанты прохибитива и императива являются членами одного словообразовательного гнезда (СГ). В пословице *Не суди по **приезду**, суди по **отъезду!*** темы различаются только наличием/отсутствием отрицательной частицы *не*, а ремы – словообразовательными формантами *при-, от-*. Повтор основ и тематических, и рематических слов актуализирует их структуру и увеличивает коммуникативную значимость несопадающих компонентов. В двухкомпонентной семантике, свойственной производным словам [21, с. 96], контекстно выделенными оказываются те семы, которые соотносительны со словообразовательными значениями. Например, в пословице *Не думай, **щука**, как **влезть**, думай, как **вылезть (из верши)*** бóльшую коммуникативную значимость в значениях глаголов имеют семы 'движение внутрь', 'движение изнутри наружу', то есть их деривационные значения, а семы 'карабкаясь', 'ползя', 'тайком', называющие способ передвижения, менее значимы.

Как известно, слова одного морфосемантического поля в парадигматике могут занимать любое место между двумя полюсами на шкале различий: от противоположности и почти полного взаимоисключения до тождества. Так, запрет и побуждение в следующих наставлениях комбинируются со словообразовательными антонимами: *Не плачь **битый**, плачь **небитый**; Не думай, как **прожить**, думай, как **нажить**; Не хвались **отъездом**, хвались **приездом!*** Близка к антонимичной оппозиция *выезд – приезд*, образованная перекрестным соединением двух антонимических рядов *въезд – выезд, приезд – отъезд*, первые члены которых обозначают движение 'отсюда туда', а вторые – направление 'оттуда сюда': *Не **верь выезду**, **верь приезду**.*

В паремиях *Не говори, что **делал**, а говори, что **сделал**; Не учи **борючись**, учи **побораючи*** разнородные глаголы одного СГ, характеризующиеся катего-

риальной противоположностью грамматических значений НСВ и СВ, контрастируют по линии «попытка – успех».

Сопроизводные прилагательные *тороплив* и *расторопен*, не являясь антонимичными по своим денотативным значениям, характеризуются противоположными коннотациями: *торопливый* – «слишком скорый, спешливый, суетливый, опрометчивый, скороспешный» (отрицательная оценка), *расторопный* – «живой, проворный, бойкий и сметливый, поворотливый, управный, смысленный на дело и везде поспевающий» (положительная оценка). Формальное и семантическое сходство и различие данных коннотативных оппозитивов создают стилистическую экспрессию пословичной инструкции *Не будь тороплив, а будь расторопен*.

В составе многих СГ имеются как субстантивы самой широкой семантики, так и имена, называющие лицо по профессии или делу, которым оно занимается: *суд – судья, закон – законник, гонение – гонитель*. Данные существительные не являются противоположными по значению, но с их помощью выражается одна из основных логико-семиотических пар провербиального пространства «Производитель – Производимое». Формально-семантическая связанность слов обуславливает нешаблонность контраста, стилистическую изящность поучения-коррекции, призывающего бояться не событий с типично негативными последствиями, а их производителей: *Не бойся закона, бойся законника; Не бойся царского гонения, бойся царского гонителя; Не бойся суда, а бойся судьи*.

Структурно выраженные сходство и различие однородных членов, выделяя и «родство», и несовпадающие компоненты оппозитивов, обогащают контраст дополнительными семантическими нюансами, создают смысловую полифонию и эффект игры слов. Так, наставление *Не учи безделью, учи рукоделью*, обнажая словообразовательную форму коррелятивов *безделье – рукоделье*, актуализирует в последнем значение любого «дела рук», ремесла, производительной деятельности, а не только специфической женской работы (шитье, вязание и пр.), формируя мораль пословицы 'учи делу, работе, а не безделью', в которой оппозитивы являются симметрично противоположными. Ср. у В.И. Даля *рукодельник* – "всякий мастеровой". В то же время, специализированное значение слова *рукоделье* остается релевантным, создавая многозначность фразы.

Стилистически эффектно контекстное размежевание словообразовательных синонимов *путинка* («путь, дорога») – *путь* в поучении *Не ездь путинкой, ездь путем*, к которому И. Снегирев дал комментарий «не окольной тропинкой, а прямой дорогой» [23, с. 494]. Деривационное значение уменьшительного суффикса *-к-* формирует противопоставленность лексем *путинка – путь* по семантической функции 'маленький – большой', которая, соединяясь с концептом дороги, реализует фреймовый сценарий 'узкий – широкий', 'неезженный – наезженный', 'опасный – безопасный', 'окольный – прямой', 'плохой – хороший'.

Экспрессивность пословицы, ядром которой является оппозиция неантонимичных слов одного СГ, помимо эффекта неожиданности, возникающего в результате их противопоставления, создается также за счет красочного впечатления от контекстной сближенности слов, имеющих звуковое сходство: *Не смотри на дело, смотри на отделку!*

Таким образом, можно выделить две разновидности запретительно-побудительной пословицы: строгое предписание, в котором контрастируют запрет и рекомендация, и формулу косвенного выражения компаративных отношений, в которой отрицательный императив не выражает запрета, а усиливает значимость, ценность того, о чем говорится в побудительной части высказывания. Первая может быть квалифицирована как антитеза, т. е. прием актуализированного противопоставления, а вторая – как акротеза, т. е. прием актуализации одного из предметов (признаков, явлений) действительности путем отрицания его альтернативы. Содержательные различия данных разновидностей запретительно-побудительной инструкции определяются, во-первых, типом отрицания (сильным или слабым), во-вторых, коммуникативной структурой и порядком следования отрицательного и положительного императивов.

Summary

T.G. Bochina. Prohibiting and impelling proverb.

The article presents the proverbs the structures of which are based on the opposition of positive and corresponding with it negative imperative. There are two main types of prohibiting and impelling proverbs: (1) a strict direction combining recommendation with the prohibition and (2) a precept in which the negative imperative does not express the prohibition but emphasizes the impelling part of the structure. The conclusion made is that the semantic differences of these varieties are determined by the type of the negation (strong or weak) and the communicative structure of the proverb.

Литература

1. *Аникин В.П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.
2. *Перцов Н.В.* К проблеме инварианта грамматического значения. II. (Императив в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 88–101.
3. *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива. – Л.: Наука, 1986. – 272 с.
4. *Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1998. – 528 с.
5. *Николаева Т.М.* Обобщенное, конкретное и неопределённое в паремии // Малые формы фольклора: сб. ст. памяти Г.Л. Пермякова. – М., 1995. – С. 311–324.
6. *Русская грамматика: в 2 т. – М., 1980. – Т. 2.*
7. *Храковский В.С., Володин А.П.* Указ. соч.
8. *Падучева Е.В.* Семантика и прагматика НСВ императива в русском языке // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. – М., 1992. – С. 36–55.
9. *Введенская Л.А.* Словарь антонимов русского языка. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1995. – 543 с.
10. *Бочина Т.Г.* Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 196 с.
11. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1981.
12. *Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. яз., 1988. – 272 с.

13. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
14. *Грабье В.* Семантика русского императива // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. – М., 1983. – С. 105–128.
15. *Степанов Ю.С.* Французская стилистика. – М.: Высш. шк., 1965. – 355 с.
16. *Тарланов З.К.* Русские пословицы: синтаксис и поэтика. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. ун-та, 1999. – 448 с.
17. *Веселовский А.Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Историческая поэтика. – Л.: Высш. шк., 1989. – С. 101–154.
18. *Плисецкий М.М.* Положительно-отрицательное сопоставление, отрицательное сравнение и параллелизм в славянском фольклоре // Славянский фольклор. – М., 1972. – С. 152–161.
19. *Медриш Д.Н.* Метафорическая антитеза в фольклоре и литературе // Фольклор народов РСФСР. – Уфа, 1983. – С. 112–119.
20. *Степанов Ю.С.* Французская стилистика. – М., 1965. – 355 с.
21. *Улуханов И.С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
22. Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым с предисловием и дополнениями. – М., 1995. – 503 с.

Поступила в редакцию
19.09.05

Бочина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Казань.